

*Инна
Багинская*

Пролог

Что наша жизнь?
Игра!
Добро и зло — одни мечты!
Что верно?
Смерть одна!
Как берег моря суеты,
Нам всем прибежище она...

*«Пиковая дама»,
ария Германа*

Они гуляли по обычному маршруту — солидный молодой мужчина в толстой куртке и вязаной шапочке с ушами и пес, рыжий спаниель с мотающимися ушами, — по главной аллее парка до самого конца, туда, где парковка, начало березовой рощи и осколком стекла лежит замерзшее болотце с торчащими сухими копыями осоки и камыша. Было раннее утро, восток лишь слегка розовел, и легкий туман скрывал заросли кустов; на пожелтой траве местами лежал снег. Снегири суетились в ветках рябин, выклеывая остатки ягод. Дышалось легко, воздух был сладок, весна чувствовалась в запахе талой земли, и крохотные ярко-зеленые пики крокусов уже пролезли кое-где сквозь бурые прошлогодние листья.

Пес — его звали Финик — носился в кустах; хозяин неторопливо гулял по аллее, наблюдая за любимцем. Вдруг Финик замер, сделав стойку, и разразился громким лаем. Хо-

зьяин остановился, пытаясь рассмотреть, в чем дело. Он окликнул пса, тот оглянулся и, продолжая лаять, призывно замотал хвостом. Мужчина осторожно ступил на влажную землю и пошел к собаке.

— Ну что ты так раскричался... — успел произнести он и замолчал, пораженный увиденным. На выложенной плиткой дорожке, ведущей от парковки, лежала женщина: ее неестественно запрокинутая голова, разбросанные руки и подогнутые в коленях ноги в длинных черных сапогах не оставляли сомнения, что она мертва. На ней было надето черное короткое пальто, а вокруг шеи в несколько слоев намотан красный, в золотых цветах, шарф, почти закрывающий лицо. Контраст между пожухлой травой, пятнами тусклого снега и яркой кукольно неподвижной фигурой женщины являл собой пугающий диссонанс.

Пес перестал лаять и, подняв морду, смотрел на хозяина, словно спрашивал: «И что нам теперь делать?»

— Финик, отойди! — приказал мужчина и полез в карман за мобильным телефоном...

* * *

...Он позвонил, и дверь тотчас распахнулась, словно его ждали. Мужчина шагнул в прихожую, обнял, стиснул, зарыл лицо в ее волосы, выдохнул:

— Я чуть с ума не сошел! Девочка моя родная...

— Я думала, ты уже не придешь!

— Я не мог, поверь, были обстоятельства... Теперь все будет по-другому. Как я скучал! Постоянно думал о тебе, вспоминал...

— Я тоже!

Она смотрела на мужчину сияющими глазами.

— Это тебе! — Он протянул ей розы. — Помню, ты любишь... Я все помню! Ты плачешь? Глупая, не нужно! А то я тоже расплачусь...

Они целовались, стоя в полутемной прихожей, забыв обо всем на свете...

* * *

...Она набрала код, с трудом открыла тяжелую металлическую дверь и вошла. В подъезде было сумрачно и пахло пылью. Слабо светила лампочка на стене — отчетливо виднелись красные раскаленные проволочки внутри. Она вдруг поняла, что сзади кто-то есть. Человек вошел бесшумно — он придержал дверь, и она ощутила только легкий сквознячок — ни шороха, ни звука шагов. Она хотела оглянуться, но не успела — почувствовала резкую боль в горле и стала задыхаться...

Глава 1

О наших героях

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой...

*А. С. Пушкин.
Евгений Онегин, гл. 2*

Алексей Генрихович Добродеев, он же Лео Глюк, известный, даже можно сказать, культовый репортер бульварного издания «Вечерняя лошадь», личность в городе известная. Все знают господина Добродеева, и он, в свою очередь, знает всех персонажей, мало-мальски представляющих собой хоть что-то на местном горизонте: в политике, в бизнесе, в мире театра и искусств, а также эзотерики. Лео Глюк — один из псевдонимов журналиста, не побоимся заявить, самый известный в кругах уфологов, любителей барабашек и полтергейста, а также кладоискателей и исследователей трехъярусных пещер под старинным Елецким монастырем. Он собирает фольклор, выискивая бабушек-старушек, которые *помнят и знают то*, что остальные давно забыли; делает доклады на семинарах соперничающих эзотерических обществ «Руна» и «Перун», собирает монеты и марки, принимает участие в археологических раскопках с последующим красочным отчетом о ценных находках и уже несколько лет пишет исторический

роман-фэнтези «Битвы небесных богов». Он бы давно его закончил, если бы не текучка, которая заедает. А еще непоседливость, любопытство и готовность сию минуту бросить все и бежать смотреть, как размыло ливнем фундамент старинной церкви, а там таинственные пустоты со спрятанным кладом; на встречу с заезжей знаменитостью: настоящим индийским йогом, целителем, медиумом, спиритом, или гипнотизером — или еще куда-нибудь.

Друг и соратник Лео, Олег Христофорович Монахов — среди своих Монах, — утверждает, что Лео похож на громко кукарекающего петуха, хлопающего крыльями и топавшего ногами со шпорами, что даже странно при его габаритах и весе. Сам же Олег Христофорович немногословен, спокоен как удав, по его собственным словам, созерцателен, человек дела и вообще бизнесмен — владелец фабрички «Зеленый лист», которая варит пищевые добавки, всякие зелья и настойки, производит чай и натуральные косметические продукты для дам. Так что в каком-то смысле они друг друга дополняют. Лео хлопает крыльями и всегда готов взлететь, Монаха же сдвинуть с места — неподъемный труд: полный скепсиса, он сначала подробно расспросит, будет долго думать, наконец сообщит и наметит план действий, а уже потом начнет действовать... возможно.

Насчет долго думать — это его любимое занятие. Лежать на большом диване, смотреть в потолок, считать трещины, чувствовать на лице луч солнца и ласковый сквознячок, если лето, и холодные снежинки, залетающие в открытую дверь балкона, если зима, так как дверь и окна в его доме никогда не закрываются. Это делает его ближе к природе,

от которой пару лет назад его самым грубым и насильственным образом оторвали.

Эх! Были и мы рысаками, как говорится. А все дело в том, что полтора года назад Монах попал под машину, причем на переходе и зеленый свет горел. В итоге сломанная нога, длительный постельный режим, и прощай, ежегодные побег в пампасы, как называет это Леша Добродеев. С неподъемным рюкзаком, по лесам и горам, в Индию, на Алтай или в Непал. Ночевки у костра под развесистой пихтой или кедром или в скромных лоджиях при буддийских монастырях, спетая интернациональная компания таких же бородатых громогласных бродяг-глоубтроттеров, байки до рассвета под некрепкий непальский самогон *тонба* или пиво *чанг*. Романтика! И где теперь это все? Ночевки у быстрой речки, костерок, булькающая в котелке уха из самолично выловленной рыбы... И тишина: слышно, как потрескивают и шуршат звезды, такие яркие, что больно глазам! И ни телефона, ни Интернета, ни соседей, грызущихся за стеной... Ничего! Ты и природа. Нет, ты как часть природы. Великан-природа и маленький ты.

Увы, все в прошлом. Есть от чего впасть в хандру. Уж как ни старается друг Добродеев развеселить Монаха городскими сплетнями и слухами, как ни заверяет, что вот на следующий год обязательно в пампасы, подальше от цивилизации, под развесистый кедр и костерок с булькающим казанком — все без толку, и погружается он в депрессию все глубже. Добродеев даже подарил ему красивую трость с головой собаки и постоянно вытаскивает в люди: то на вернисаж, то в театр, то на праздник города, то на новую программу в ночной клуб «Белая сова»...

Ничего не помогает. Разве что... Автор, кажется, еще не упоминал, что Лео Глюк ведет в своей «Лошади» городские криминальные хроники? Куда ж без него! Лео Глюк наше всё. Он первым узнает про всякие преступления, так как у него везде все схвачено и свои люди в высших структурах. Узнав что-нибудь, он тут же несется к Монаху и вводит его в курс происходящего. Тот открывает глаза и сползает с дивана...

Спрашивается, с какого перепугу? Каким боком криминальные хроники к Монаху? А таким. Монах — мыслитель и аналитик, как мы уже знаем. Почти доктор физико-математических наук и психолог, а еще путешественник и человек с громадным житейским опытом, способный найти общий язык с кем угодно — с самым распоследним нытиком, мизантропом и людоедом. А больше всего ему нравится решать всякие заковыристые житейские и исторические загадки, особенно криминальные. Однажды, было дело, он даже открыл личный сайт под названием «*Бюро случайных находок. Вопросы и ответы*», где предлагал себя как человека бывалого и опытного, психолога и путешественника... Впрочем, судите сами. Помещаем текст целиком, стиль и грамматику автора сохраняем:

«Здравствуйте, друзья! Меня зовут Олег Монахов. Я психолог, математик, мыслитель и путешественник. За свою долгую и нёструю жизнь я встречался с разными людьми, попадал в критические ситуации, иногда прощался с жизнью — было и такое... И сейчас я с уверенностью говорю вам: я могу помочь! У меня есть ответы на многие вопросы — приходите и спрашивайте. Попробуем разобраться в ваших проблемах

вместе. Запомните, нет безвыходных ситуаций. Вернее, есть, но их мало. Иногда кажется, что всё! Тупик, конец, безнадега! Вы растеряны, вам страшно и хочется убежать... Но проблемы придётся решать, от них никуда не денешься. Давайте сделаем это вместе.

Запомните... Нет, зарубите себе на носу: жизнь всегда продолжается!»

Оптимистично, ничего не скажешь. И тут же фотография: большой толстый бородатый человек в голубой рубашке навыпуск, похожий на добродушного медведя, сложив руки на груди и прищурясь, смотрит на зрителя. И что вы думаете? Он действительно сумел помочь двум-трем страдалцам, бросившимся к нему в поисках решений.

Одним словом, гуманист, демократ и либерал, готовый прийти на помощь ближнему. Прямо плакат. А на самом деле? Мы же понимаем, что реклама и товарный вид одно, а на самом деле черт его знает, и ухо надо держать востро. На самом деле Монах, как ни прискорбно это заявлять, человек аморальный в принципе. Это не значит, что он может убить, упаси бог, вырвать кусок у голодного или ему доставляет удовольствие обманывать окружающих и делать им гадости. Ни капли! У него по жизни другие задачи и интересы. Но случись так, что для пользы дела нужно украсть или соврать, он сделает это, не задумываясь и не испытывая ни малейших угрызений совести. Но, в свою очередь, если бы его обокрали или обманули, он не стал бы особенно возмущаться, только и сказав: «Видать, ему нужнее!» Это говорит о философском подходе к жизни. Он осознает себя как бы над моралью — химера совести его особенно не обременяет. А почему? Потому что он

волхв! В смысле, видит себя таковым. Проникает внутрь, видит насквозь, читает мысли, погружает в транс и вытаскивает наружу всякие тайные и скрытые помыслы, мешающие человеку спать. Одно время он практиковал как психолог и хилер, и народ тянулся к нему, а потом все бросил и сбежал в тайгу. Он всегда сбегает: с работы, от студентов, от приятелей и жен, которых у него было целых три...

Но справедливости ради нужно заметить, что при случае Монах поделится последним куском или снимет с себя последнюю рубашку. Он испытывает к жизни и людям любопытство, нетерпеливое желание знать, что будет завтра и что происходит в других местах. Отсюда проистекает его любовь к перемене мест. Еще одна его особенность: он абсолютно уверен, что человек не заканчивается с земной жизнью, а существует и после смерти, только в другом формате. Он сомневается, правда, что память отдельно взятого индивидуума сохранится, но мысль, что рано или поздно он узнает это наверняка, постоянно присутствует на заднем плане его размышлений. Существует порядок вещей, считает он, и всё на свете ему подчиняется. Кто мы, чтобы пытаться влезть и понять его суть до поры до времени? Поэтому живите сколько положено, не дергайтесь, не лезьте, куда не просят, и рано или поздно узнаете все сами. Терпение, господа! Это отличает его от Леши Добродеева, который, хлопая крыльями, лезет, куда не зовут, в поисках пришельцев, параллельного мира и призрака монаха в пещерах Ильинской церкви. Тем более обидно, что козел с купленными правами наехал на неторопливого и спокойного Монаха, а не на мельтешащего руками и ногами Лео Глюка.

Через какое-то время Монах остыл к сайту и уже с полгода туда не заглядывает. Зато на пару с Лео Глюком после одного удачно раскрученного дела они основали Клуб толстых и красивых любителей пива со штаб-квартирой в известном в городе культовом баре «Тутси»¹.

С присущей ему замечательной скромностью Монах говорит о себе: «Я не Господь Бог и не ясновидящий, я всего-навсего скромный бродячий волхв с детективными способностями...»

В данный момент Монах и Лео в черных костюмах, с бабочками присутствуют на рауте в честь Дня святого Валентина в «Английском клубе» — самом крутом ресторане города. Монах недоволен, жмет правый башмак, ему скучно, он вполуха слушает восторженные словоизвержения Лео насчет присутствующих. Лео тот еще сноб! Любит тереться среди сильных мира. Монаху же плевать. Он никого здесь не знает, Лео выгасил его силой, пообещав, что на таком крутом сходянке непременно должно случиться что-то из ряда вон. Он чувствует это нутром и фибрами: из достоверных источников известно, что будут заклётые конкуренты и драка неизбежна. Или хотя бы скандалец. Нельзя все время сидеть дома, пенял Лео Монаху, ты теряешь социальные навыки, превращаешься в анахорета, мизантропа, человеконенавистника, начинаешь бояться людей, ты... ты... ты! Одним словом, сию минуту вставай и марш в ванную! Я принес тебе бабочку, у них строгий дресс-код.

Ха! Можно подумать, что Монах так сразу вскочит и побежит принимать душ и чистить зубы! Или что его при-

---

¹ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Маятник судьбы».

влечет какой-то жалкий скандал в благородном обществе! Как бы не так — он даже глаз не открыл. Но хитрый Лео знает, на какие кнопки нажать и чем соблазнить. Там фантастическая кухня, говорит он как бы между прочим. Семга под белым соусом, баранина, тушенная в красном вине, а свинина! А вина! А десерты! Лео чмокал губами и закатывал глаза. Входной билет стоит баснословных денег, прорвутся только самые-самые, посмотришь на наш бонд, причем задаром. Знаешь, чего мне стоило хапнуть два пригласительных? Обещал им серию статей и отчет с картинками. Это их первый опыт с Валентином. И вообще, чего-то кушать хочется... Для достоверности он погладил себя по обширному животу.

В итоге Монах встал с дивана, стащил с себя безразмерную футболку, умылся и достал из шкафа свежую рубашку...

Глава 2

Гуляй, элита!

Открылся бал. Кружась, летели
Четы младые за четой;
Одежды роскошью блестели,
А лица — свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся...

А. И. Одоевский. Бал

Лео Глюк с увлечением сплетничал, Монах слушал вполуха. Он никого на этом празднике жизни не знал, и ему было абсолютно все равно, кто с кем замутил, кто кому кинул подянку и вырвал из-под носа удачную сделку. Он с удовольствием кушал. Лео оказался прав: кухня в «Англий-

ском клубе» на высшем уровне, а винный погреб вообще запредельный. Фуршет, правда, он не одобрял: ему не нравилось шляться с тарелочкой и бокалом по залу, натываясь на таких же беспривязных, да еще и с палкой под мышкой. Правда, по периметру стояли столы со стульями, и кто успел, тот прочно сидел. Лео успел, и Монах воспользовался плодами его расторопности. Он сидел, а Лео фланировал по залу, нагружал тарелки и возвращался к Монаху с новой потрясающей историей.

Правда, некоторых из присутствующих даже он не знал. Монах обратил внимание на женщину в длинном красном платье с невидным мужчиной. У нее прекрасные каштановые волосы, открытые плечи, прямая спина, движения танцовщицы. А он... никакой, но орлиный взгляд, уверенные манеры, высокомерно запрокинутая голова. Они были обособлены, вокруг них словно сама собой закручивалась пустота. Вездесущий Лео не знал, кто это, заинтересовался и побежал выяснять. К Монаху тем временем подсел фотограф Иван Денисенко с камерой, который подрядился отщелкать прием в обмен на пригласительный.

— Смотри, какая фемина, — сказал Иван. — А мужик слабоват. Кто такие, не в курсе?

— Лео побежал на разведку, — сказал Монах. — Сейчас вернется и доложит.

К ним подошел режиссер Молодежного театра Виталий Вербицкий в смокинге, с которым Монах был уже знаком, так как пару лет назад расследовал дело о возгорании прямо на сцене актера, игравшего Макбета¹. Иван встретил

---

¹ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Тринадцать ведьм».

его радостным ревом и обнял. Режиссер высвободился из объятий и обменялся рукопожатием с Монахом.

— Господин Монахов! — вскричал он радостно. — Сколько лет, сколько зим, как говорится! Спрашивал о вас неоднократно. Добродеев говорит, вы человек совершенно не публичный, медитируете и пишете мемуары. Мне с автографом! Никогда не забуду той страшной истории...

— Мемуары? — Монах махнул рукой. — Ерунда! А вот вы — любимец народа, как же, как же, слезу за репертуаром. — Это было бессовестное вранье: театр Монаха не интересовал вовсе. — Леша Добродеев все уши прожужжал: новые идеи, новые веяния, гений сцены...

Добродеев, правда, выражался иначе: анфан террибль, бабник, бузотер, враль и скандалист. Вербицкий был хорош собой — с прекрасной статью, длинной белокурой косой, красиво свисающей между лопаток, во фраке; на безымянном пальце левой руки сверкал красивый серебряный перстень — голова дьявола с красными глазами. Понты, конечно, но впечатляет.

— Леша скажет, — вроде бы смутился режиссер. — О вас он тоже много чего говорит, о вашем детективном гении, о случаях, которые вы вместе расследовали, о том, что видите человека насквозь... Насколько помню, вы экстрасенс?

— Громко сказано, — скромно ответил Монах. — Так, развлекаюсь помаленьку от нечего делать. А вы здесь по службе или как гость?

— Э-э-э... по службе? — удивился режиссер,

— Я имел в виду, участвуете в программе...

— Ой, да какая у них программа! — рассмеялся Вербицкий. — Шалман! Цыгане с медведем.

— С настоящим медведем? — не поверил Иван Денисенко, хватаясь за камеру.

— Фигурально выражаясь, — туманно объяснил режиссер. — Фигня. Вот мы готовим бомбу! Весь город поставим на уши.

— Что-нибудь... этакое? — Иван пошевелил пальцами. — Из какой области? Опять Древний Рим? Порно?

— Мы же не драма! Там, что ни поставят, получается порно. Терпение, господа, имейте терпение. В час зеро увидите все своими глазами. А пока молчок! — Он приложил палец к губам и спросил после паузы: — А что, ожидается убийство? Кто, так сказать, жертва?

— Убийство? — удивился Иван Денисенко. — В каком смысле?

— В прямом! Леша сказал, если господин Монахов выходит на люди, непременно случается убийство. К бабке не ходи — давно замечено. Он просто притягивает...

— Наоборот, — сказал Монах, обещая себе серьезно поговорить с Добродеевым. — В другом порядке, господа. Я почему-то совершенно случайно оказываюсь именно в центре преступления. В ваш театр тогда попал совершенно случайно, Добродеев вытащил, помните? И сейчас опять... — Монах многозначительно умолк.

— Господи, конечно помню! Страшная трагедия! — вскричал Вербицкий. — До сих пор мороз по коже. Театр в театре! Если бы не вы... Думаете, сегодня произойдет убийство?

Вербицкий и Иван Денисенко выжидательно уставились на него.

— Мое внутреннее чувство пока молчит, — сказал Монах. — Надо спросить у Леша, — добавил он мстительно. — Его внутреннее чувство развито сильнее.

— Кто такая, не знаете? — спросил режиссер, кивнув на женщину в центре зала. — Вон та, в красном платье!

— Добродеев побежал узнавать, — сказал Иван Денисенко. — Сейчас вернется. Ты один?

— Я всегда один, — высокомерно заявил режиссер. — Творец должен быть свободен.

— Поддерживаю! — с энтузиазмом согласился Иван. — Я тоже один. И Олежка... — Он кивнул на Монаха. — Творчество и женщины несовместимы. А в любовь, наоборот, верю и предлагаю выпить. За любовь! — Он поднял бокал.

Они выпили, потом еще и еще, а Добродеева все не было. Они наблюдали за его передвижениями по залу, объятиями и поцелуями.

— Пусти козла в огород, — заметил Иван Денисенко. — Завтра выдаст кучу сплетен в своем бульварном листке. Лично я боюсь подойти к нему даже на пушечный выстрел. Мне из-за него чуть морду не побили, и за фотки как-то не заплатил, жучила. А женщина хороша! Заметили, как он финтит и глазки блестят? Подбирается к ним поближе, бойскаут! — Пару минут они наблюдали за финтами журналиста. Потом Иван сказал: — Схожу за провиантом. Кому что?

Добродеев наконец вернулся, начал сердечно обниматься с Иваном Денисенко и Вербицким.

— Ну? — напомнил о себе Монах. — Узнал?

— Узнал. Капиталист, Бражник Виктор Олегович, говорят, ставит у нас завод по сборке «Мерседесов», в городе всего-навсего несколько месяцев, все было шито-крыто, только неделю назад вылезло. Нигде не светится, с утра до вечера вкальвает. Покупает землю за Еловицей. Совершенно непубличная фигура. А супруга сидит дома. Зовут

Маргарита. Потрясающе интересная женщина. Собираюсь написать о нем, выбью интервью. Для нашего города это знаковое событие! — Все это Добродеев выпалил на одном дыхании и замолчал, хватая ртом воздух и напоминая карпа, вытасченного из воды. На потный лоб свисали влажные прядки.

— За любовь! — снова провозгласил Иван Денисенко. — Между прочим, я сфоткал, как ты там к ним принюхивался. И вообще всю ораву.

— Я тоже, — сказал Добродеев.

— На телефон? — заржал фотограф.

— Ну... Поделишься?

— А фиг тебе! — с удовольствием сказал Иван Денисенко. — Ты мне еще за прошлые должен!

— Какой ты все-таки меркантильный! — осуждающе сказал Добродеев. — Не ожидал. За святого Валентина!

Они опять выпили. Монах под столом сбросил жмущую туфлю, и на его глазах выступили слезы. У него даже борода зачесалась от облегчения, и он с удовольствием поскребся. В общем, все неплохо складывалось, он уже не жалел, что поддался на уговоры и сполз с дивана. Правда, до обещанной драки пока не дошло, но все равно было интересно наблюдать за местной элитой, нарядами дам, важными самцами... даже за снующими вокруг официантами с подносами с шампанским и вкуснейшими закусками. А ведь еще предстояло горячее! А потом десерты! Нет, что ни говорите, есть в жизни человека прекрасные моменты.

Разморенный, он слегка задремал под пререкания Добродеева и Ивана Денисенко — режиссера уже не было с ними. Разбудил Монаха невнятный шум. Он привстал и увидел, что в центре зала собралась толпа и капиталист

Бражник резко выговаривает служителю, а тот оправдывается и пожимает плечами. Никак муха в салате попалась, подумал Монах. Ухмыляясь, он наблюдал, как сделавший стойку Добродеев уже протискивается через толпу поближе к разгоряченным участникам сцены. Вот вам и эпицентр!

Журналист вернулся через несколько минут, упал на стул и выпалил:

— Маргарита пропала!

— В смысле? — вытаращился на него Иван Денисенко. — Что это значит? Как она могла пропасть? Может, в туалете?

— Бражник везде проверил, говорит, нигде ее нет! Уже полчаса. Он отошел на минутку — она попросила принести шампанское, — вернулся, а она исчезла. Он потребовал менеджера, взял за горло, а тот ни сном ни духом, даже не врубился, говорит, может вышла, сейчас вернется, у нас, говорит, никто никогда не пропадал, вы что, думаете, киднеппинг? Сейчас не девяностые! — Добродеева несло, у него даже щеки тряслись от возбуждения.

— Считай, Лео, повезло тебе, — сказал Иван Денисенко. — Пойду щелкну бедолагу. Не уследил. А дамочка хороша, выбрала момент наставить лосю рога! — Он хихикнул.

— Рога? Ты думаешь, она... что? — Добродеев уставился на фотографа.

— Она ничего! Сбежала твоя Маргарита! Тю-тю! Только и всего. А ты думал, ее умыкнули? Посреди толпы? Сунули кляп, закатали в ковер и вынесли? Так что, пока не нашлась, давай строчи свои криминальные хроники. Не забудь про выкуп.

— А что охрана? — спросил Монах. — Тут везде видеокамеры.

— Бражник требует вызвать полицию, — сказал Добродеев. — Менеджер за голову хватается. Народ гулять хочет за свои бабки, а этот орет: «Караул! Полиция!» Если бы ее убили, тогда да! Пусть даже попытались или в крайнем случае отравилась. Кто сейчас будет проверять видеокамеры? Мало ли куда она делась... Может, покурить вышла и заблудилась. Тут три этажа и несколько залов. Менеджер послал секьюрити поискать и утащил Бражника к себе, чтобы не отсвечивал и не портил людям праздник.

Между тем ажиотаж улегся, общественность пришла к выводу, что нечего гнать волну, подумаешь, ушла и ушла, — и переключилась на роскошь общения и обильную еду. И праздник продолжился. Каждый умирает в одиночку, как сказал один писатель, и никому не нужно чужое горе.

Глава 3

Знаки, символы и тайны...

Разгораются тайные знаки
На глухой, непробудной стене.
Золотые и красные маки
Надо мной тяготеют во сне...

А. Блок.

Разгораются тайные знаки...

Они хорошо посидели вчера в «Английском клубе» и пообщались с интересными людьми. Обещанной Добродеевым драки, правда, не случилось, но все-таки скандалец

имел место быть. Странный, конечно, — не знаешь, смеяться или плакать. Исчезла жена бизнесмена: вот только что была здесь, а через минуту исчезла. Он вернулся с шампанским — она попросила, — а ее нет. По сути, избавилась от него, отослала под благовидным предлогом, а сама исчезла. Иван Денисенко сразу поставил диагноз: сбежала! Он человек опытный, был женат не то три, не то четыре раза. Да и видеокамеры вокруг, все как на ладони — мышь не проскочит. Куда, с кем, когда... все вычислят, кому надо. Найдут, никуда не денется. Вернется, помирятся, он ее простит, и снова любовь. Тем более супруг... Как его, Бражник, кажется? Господин Бражник мужчина очень средних, скажем так, физических данных, а красивым женщинам дозволено многое. Маргарита. Марго. Монах ностальгически вздохнул, вспомнив, как был однажды влюблен в девушку по имени Марго. Молодой неопытный романтик-идеалист...

Маргарита в переводе с греческого — «жемчужина», а не цветок маргаритка, как он когда-то думал. Из свиты Афродиты. Умна, высокомерна, упряма. Знает себе цену и умеет ждать. Или выжидать. Вышла замуж за дипломата и укатила за границу. И ведь некрасивая была! А вот поди ж ты... Эх!

Но женщина не вернулась. Об этом Монах сообщил Добродеев, забежавший вечером на огонек. То есть он сначала именно так его и понял, хотя говорил журналист о другой женщине, как оказалось. Монах спал на диване, накрывшись пледом, свет в квартире не горел, балконная дверь была открыта, и холод стоял собачий. Заспанный,

босой, со сбившейся набок бородой, он открыл дверь, и журналист с ходу закричал:

— Христоворыч, спишь? Так весь день на диване и провалялся? А тут такое делается! Весь город на ушах!

— Орать-то зачем? — недовольно пробурчал Монах. — Аж в ушах звенит! Случилось чего?

— Случилось! В центральном парке нашли мертвую женщину!

— Вчерашнюю? — оживился Монах. — Оперативно. Как ее... Маргарита?

— Другую! Нашла собака. Рано утром гуляла с хозяином и нашла.

— Что значит «другую»? А что вчерашняя? Вернулась к супругу?

— Не знаю. Пока тихо, наверное, вернулась. А это другая, при ней ни сумочки, ни телефона. О пропаже никто не заявлял. Я принес пива и мяса, домой неохота, дай, думаю, заскочу. Будешь?

— Давай, а я пойду умоюсь. — Оживившийся Монах побежал в ванную, волоча за собой плед, а Добродеев сбросил дубленку и отправился в кухню накрывать на стол.

— Ну? — потребовал Монах, уставясь на Добродеева. Был он умыт, с причесанной бородой и аккуратно возделанным пучком волос на затылке. — Кого нашли? Где? Давай в деталях.

— Твое здоровье! — Добродеев поднял кружку с пивом. — Ну и денек! Кто она — неизвестно, нашла ее собака, спаниель по имени Финик. Я говорил с хозяином — пенсионер, живет неподалеку. Иван Никитович зовут. Семь утра было,

еще холодно и туман. Песик славный, очень приветливый. Начал лаять, он подошел и увидел женщину. Говорит, глазам своим не поверил, едва на ногах удержался. Хочешь фотки? — Добродеев потянулся за папкой. — Мой инсайд подогнал, — похвастался он.

— У тебя есть фотки? Так чего же ты молчишь! — Монах выхватил цветные снимки и стал рассматривать.

Добродеев наблюдал и комментировал:

— Видишь шарф в золотых цветах? Закрывает след на шее и лицо. Она была задушена чем-то вроде шарфа. Молодая, лет тридцати. Золотые сережки, золотая цепочка с подвеской, кольца — все на ней, убийца ничего не взял. Она была убита примерно за двенадцать часов до того, как ее нашли, в семь вечера накануне, плюс-минус пару часов. А потом ее привезли в парк, ночью скорее всего. То есть тело передвигали, убийство произошло в другом месте. Если ты спросишь меня, почему именно в той части парка, то я отвечу — потому что...

— Там рядом парковка! — перебил Монах. — Он остановился, вытащил ее из машины и понес к пруду, но передумал и положил на дорожку в пятнадцати метрах от парковки. Знаю я это место, до болотца там около ста метров. Золото не тронул, а сумочку с документами и телефоном унес. Возможно, утопил в пруду. Что у них уже есть?

— Почти ничего, — разочарованно сказал Добродеев. — Собираются показать в новостях, может, ее узнают. Ждут, что родные начнут искать, заявят об исчезновении. Всего сутки прошли.

— А это что? — спросил Монах. — На щеке. Родимое пятно? Есть ракурсы? Что это, тату?

— Это не родимое пятно и не тату, а какой-то знак. Нанесен красной тушью или фломастером, ночью был дождь, и он стерся. Трудно разобрать. Вроде цветочек... Королевская лилия!

— Это не цветочек. — Монах достал из ящика буфета лупу. — Похоже на... — Он запнулся. — Это узел Троицы! Точно! Трикветр.

— Что? В смысле? Какой Троицы? Настоящей Троицы, религиозной? При чем тут Троица? Убийца сектант?

— Ни при чем, просто название. Треугольник. Известен несколько тысяч лет, найден в кельтских рунах, у славян, в ближневосточных цивилизациях. Известен чуть ли не с бронзового века. Помню, интересовался эзотерикой по молодости. Набери-ка в Инете!

— Ну да, ну да, ты же у нас волхв, — пробормотал Добродеев, доставая айфон. — Говоришь, узел Троицы? Нашел! Так, так... Значение неизвестно, возможно, просто орнамент... — зачастил он. — Ученые спорят о сакральном смысле. — Он оторвался от чтения и фыркнул: — Ха, кто бы сомневался, они всегда спорят, все правы, доказать ничего невозможно. Диссертации, гранты, оплевывание соперников, научные диспуты. Все в кучу, бесконечность, возрождение, фазы движения солнца и луны, три возраста человека, Вселенная... Кто больше! Викинги считали его знаком Одина, славяне — оберегом и защитой семейного очага. Тут еще много всего. Между прочим, похож на листок клевера. Точно! То есть или клеймо, или магия, или оберег. Или даже символ плодородия. Одним словом, защита от темных сил. Тут полно картинок с этим... треугольником. Все разные, один лучше другого... — Некоторое

время он молча рассматривал знаки, а потом сказал: — Красивый, сбалансированный, устойчивый...

— Как и число «три», — заметил Монах.

— Христиане стали использовать его как символ Троицы. В нем чувствуется какая-то тайна...

— Тайна, ага, а еще сакральность, астральность и потусторонность. Как это ты прошел мимо? Ты же у нас спец по тарелкам и эзотерике.

— Мне странен твой скепсис, ты же волхв!

— Сейчас его используют все кому не лень, полно логотипов, полно вариаций.

— И что бы это значило? — спросил Добродеев, откладывая айфон. — Какой смысл?

— Что угодно. Каждый индивид может подогнать под него свое видение и свой смысл. Бог, дьявол, оберег, возрождение, кара или карма... Никакой конкретики, никакого общего смысла. Ни-че-го.

— Или всё.

Монах пожал плечами:

— Или всё. Как он нанес его? Чем?

— Наверное, фломастером. Или маркером. Зачем? Какой-то фанатизм чувствуется... Маньяк?

— Зачем? — задумался Монах. — Трудно сказать. Убитая женщина — факт, узел Троицы — факт. Остальное домыслы и растекание мыслию... Или мыслию. — Он замолчал и снова принялся рассматривать фотографии. — Что у нее с волосами? — спросил вдруг.

— Заметил? Он обрезал ей волосы. Неровно, будто спешил...

— Не думаю, что спешил. Он хотел ее унижить. Волосы — символ духовности, силы и статуса во многих культурах.

А в других, наоборот, символ дьявола, и их сбрасывали. Жрецы, например, были с бритыми головами. Ведьмам брили головы, чтобы лишить их силы...

— Ведьмам?

— Ведьмам. И... некоторым другим. Перед казнью.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

— Ни фига себе, — сказал Добродеев. — Это как понять? Знаки, волосы... Между прочим, ведьмы рыжие, а эта темноволосая. И что это, по-твоему? Культ? Сатанисты? У нас в городе? Если это кара за что-то, то...

— Кара в понимании убийцы, — подхватил Монах. — Мало ли что он себе напридумывал. Я, конечно, не Господь Бог, но у меня нехорошее предчувствие, что она не последняя жертва. Возможно, первая, но не последняя. Премьера, так сказать. Такое затевают с дальним прицелом, это не одноразовый спектакль. Он будет совершенствоваться, придумывать новые штрихи, упиваться своей ролью и аплодисментами. Он художник, ему мало просто убить. У него есть цель, и он пойдет до конца. Хотя... — Монах задумался, почесал бороду и задумчиво посмотрел в потолок.

— Хотя? — повторил Добродеев, рассматривая его во все глаза и ожидая откровения.

— Странный тип, странное действие, — туманно ответил Монах. — Не пляшет...

— Что не пляшет? В каком смысле?

— Мысли вслух, Лео, не суть. Всё домыслы, декорации... Даже то, что он не тронул золото... Как-то слишком, тебе не кажется? Просто мордой тебя тычет...

— Мордой тычет? — с недоумением произнес Добродеев. — В каком смысле? Куда?

— Хотя, с другой стороны, ритуал должен впечатлять, — продолжал Монах. — Это тебе не логика. Он должен напугать и запомниться именно алогичностью. В каком смысле? Черт его знает, в каком. В каждом действии суть подводные течения. Посмотрим. Кто ведет дело?

— Майор Мельник.

— Наш майор? Везуха! — обрадовался Монах. — Завтра же напростишься на беседу под видом озабоченной ответственности, устроишь провокацию и вызнаешь нюансы. Будь кроток и мудр, прикинься шлангом, выдвинь пару идиотских версий, похлопай глазками... Ну, ты сам знаешь.

— Думаешь, клюнет?

— Не сомневайся, Лео. Они в тушике, к бабке не ходи. Тут дело тонкое, это тебе не пьяная бытовуха, они ни уха ни рыла не отбивают. Он сообщит кое-какие детали — якобы случайно проговорился, — погрозит пальчиком и предупредит, чтобы не лезли и не путались под ногами, а то имейте в виду! — Монах ухмыльнулся и потянулся за стаканом. — Словом, скучно и предсказуемо, девушки. Разыграет привычный спектакль. Мы их единственная надежда, Лео, и он это прекрасно понимает. Но профессиональный и корпоративный гонор зашкаливает, а потому, караул, не путайтесь под ногами, а то санкции, а сами только и мечтают... — Он помолчал, сказал после паузы: — Чего-то давненько мы им фитиля не вставляли. Посему считаю заседание Детективного клуба умных и толстых любителей пива открытым. *Ад рем, Лео.*

— С чего начнем? — деловито спросил Добродеев.

— Есть у меня некая мыслишка... Проклюнулась по ходу, так сказать, — сказал Монах. — А если пощупать наших эзотериков? Клуб «Руна», помнишь? Где президентом странный малый, внучок нашей Саломеи Филипповны... А вдруг бинго? Как его? — Он пошевелил пальцами. — Никитка! Вдруг они знают про узел... Да и сама Саломея, может, подскажет чего. Надо бы смотаться к ней в Ладанку. Дорогу помнишь?

— Помню. Ты прав, с ней поговорить не помешает, — загорелся Добродеев. — Она же ведьма! С утречка выловлю Мельника, и сразу рванем.

Монах кивнул...

Глава 4

Визит к ведьме. Странный разговор

...Раздула свой очаг,
Смугла и остроскула,
С лихим клеймом разгула
И с пламенем в очах.

*П. Антокольский.
Гадалка*

Ведьма, ведьма... Ну какая, к черту, ведьма! Саломея Филипповна не ведьма, не надо преувеличивать и повторять досужие сплетни. Саломея Филипповна по профессии ветеринар и травница, разбирается в растениях, грибах и ягодах и видит всякого человека насквозь. Тем более

глаза у нее черные и пронзительные, взгляд оценивающий, голос громкий, а внешность... Представьте себе крупную женщину в длинной темной одежде, с распущенными по спине черно-седыми волосами, уставившуюся на вас в упор. Представили? Поежились и сглотнули невольно? И мурашки по спине? Правильно, так и надо. Добавьте сюда тяжелую походку, размашистые движения, ироническую усмешку на грубоватом лице, не лишенном известной привлекательности, — и Саломея Филипповна перед вами как живая. В ее фигуре чувствуется такая значительность и сила, что ей невольно уступают дорогу, когда, подметая улицу длинными юбками, она целеустремленно шагает куда-то по делу — к заболевшей корове или к человеку. Да, да, людей она тоже лечит, потому что человек та же скотина, извините за выражение. Принимая во внимание все вышесказанное, взвесив и поразмыслив хорошенько... Ладно, наверное, все-таки немножко ведьма.

Монах и Добродеев давно знакомы с ней, даже дружат. Монах вообще питает к ней слабость, уж очень колоритная фигура. Умная, рассудительная, видит тебя насквозь. А какие у нее настойки на травах и меду! Говорит немного, резонно, каждое слово на вес золота. Философ! Поговорить с ней — все равно что окунуться в животворящий источник. И задатки ясновидения в наличии: может предсказать будущее, правда, не всегда понятно, что именно она предсказала. Но дуновение в затылке и ощущение вставших дыбом волос имеют место быть.

Добродеев с самого утра взялся за отлов майора Мельника, и преуспел. Майор согласился встретиться на их обычной явке — у памятника Пушкину напротив его места

работы. Добродеев, сгорая от нетерпения, прилетел за десять минут до назначенного срока на тот случай, если майор вдруг придет чуть раньше, прекрасно понимая, что не придет: майор сказал в десять ноль-ноль, значит, в десять ноль-ноль. У Мельника обостренное восприятие времени, каждая минута и даже секунда на счету. Кофе он пьет три минуты с четвертью, перекусывает в столовке одиннадцать минут, это слегка, а если обед, скажем, то тянет на все пятнадцать. Все знают, восхищаются и слегка завидуют, хотя не упускают возможности позубоскалить — за спиной, потому что при виде майора, здоровенного детены с пудовыми кулаками, пропадает всякое желание острить. Майор Мельник и Добродеев давно дружат и взаимовыгодно кооперируются по мере возможностей. Майор подкидывает дозволенные к разглашению, так сказать, детали криминальных расследований, а журналист — городские сплетни.

Встреча произошла согласно протоколу у памятника в десять ноль-ноль.

— У тебя четыре с половиной минуты, — сказал майор Мельник. — Выкладывай.

— Что по женщине из парка? — выпалил Добродеев. — Личность установлена? Это секта? Маньяк? Что уже известно?

Майор Мельник нахмурился...

— ...Понимаешь, Христофорыч, у них ничего еще нет! Ни-че-го! — эмоционально выкрикивал Добродеев, отчитываясь перед Монахом. — Ни имени жертвы, ни версий! Он дал понять, что они действуют: изучили шины на сто-

янке, прочесали территорию парка, обыскали с водолазами пруд, опрашивают жителей близлежащих домов. Еще пригласили историка из музея, спросили насчет знака. Майор интересовался, что говорят в народе.

Они выехали из города и взяли курс на Ладанку, где проживала Саломея Филипповна. День выдался вполне весенний: светило и даже припекало солнце, воздух был сладок и прозрачен. На полях лежал снег, вдоль дороги из подтаявшей земли бойко пробивалась ярко-зеленая трава и бежали ручьи талой воды. Монах открыл окно. Он жмурился и с наслаждением вдыхал весенний воздух, слушая Добродеева.

— Именно так я и предполагал, — заявил он, когда журналист закончил. — Поговорим с Саломеей и сходим в парк, хочу увидеть место, где ее нашли. Кстати, что с Маргаритой Бражник?

— Он ничего не сказал, значит, вернулась. Ой, да куда бы она делась! Я завтра же попрошусь на интервью с Бражником: интересно, что он собирается тут у нас строить. Говорят, завод по сборке автомобилей, какой-то крутой концерн, чуть ли не «Мерседес». Представляешь, можно будет купить новенький «мерс», со скидкой!

— Со скидкой? С какого перепугу?

— Дам несколько материалов, познакомлюсь, подружусь...

— Сомнительно, Лео. Где Бражник и где «Мерседес»...

— Говорят, у него сумасшедшие связи, он много лет работал в немецких компаниях. Ты не помнишь, какой поворот?

— Километров десять еще, там указатель.

Они добрались до Ладанки согласно указателю, свернули влево и въехали на кривоватую, крытую брусчаткой сельскую улицу. За заборами виднелись деревянные домики, из труб шел дым, из-под ворот лаяли собаки. В конце улицы видна была синяя, в серебряных звездах, луковица с крестом. Вдали от больших дорог, от цивилизации, от новых веяний Ладанка жила своей устоявшейся патриархальной жизнью. Здесь никогда ничего не менялось, и казалось, что это место провалилось в некий безвременной колодец и время в нем остановилось навсегда.

Нет, конечно, некие приметы современности имели место: машины, антенны, сельмаг «Ракета» и дискоклуб «Летающая тарелка». В названиях явно просматривалась космическая тематика, что неудивительно: согласно бытующей местной легенде, в нескольких км от Ладанки, под горой, где вход в подземную пещеру, находится древнее стойбище летающих тарелок. Все знают. Каждое лето от туристов, археологов, спелеологов и эзотериков с палатками яблоку негде упасть. Натыкаясь друг на друга, они взапуски лезут в пещеру, ищут следы, копают, просвечивают стены, измеряют радиоактивный фон — а как же! На чем, по-вашему, работает тарелка? На атомной тяге. Значит, фон.

Древние прекрасно знали про гуманоидов, поэтому устроили тут капище, что доказывает вырытая из земли пару лет назад громадная каменная баба весом в две-три тонны, которую тут же окрестили Пещерной Венерой. Шум был страшный, пошли дебаты насчет того, что с ней делать. Не оставлять же без надзора, так как народ ушлый: упрут, продадут, опишут разными «Тут был Коля»! А по-